

ЖАН-ЛЮК ЛАГАРС

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ (ПОСЛЕДНИЕ ГЛАВЫ)

Перевод Алины Корниенко

Эта пьеса была впервые поставлена самим автором в апреле 1991 года на сцене Эспас Пленуаз (Безансон), а также в Театр де ля Сите Интернасьональ (Париж) в феврале 1992 года.

посвящается Мирей и Франсуа

Действующие лица:

Женщина.

Первый Мужчина.

Второй Мужчина.

ПРОЛОГ

Первый Мужчина. – Пролог.

Первый Мужчина.

Однажды ночью Первый Мужчина остался один, его забыли,
никто не знает, что с ним стало, что с ним случилось.

Случилось с ним.

«Сколько ему лет?»

Первый Мужчина, однажды ночью...

Это история о двух мужчинах и одной женщине.

Женщина. – Она, Женщина (я), она, она тихо смеется.

Возможно, ее плохо слышно, возможно, она даже плачет,
это вполне вероятно.

Первый Мужчина. – Однажды ночью.

Однажды ночью он, Первый Мужчина,
(Это история о двух мужчинах и одной женщине)
Он, Первый Мужчина.

Женщина. – Ты.

Первый Мужчина. – Именно. Я.

Первый Мужчина, он, я, - не путай меня –

Первый Мужчина покидает свой дом,
он покидает кровать, в которой он спит,
он оставляет все это далеко позади себя,
отрекается от всего. (От идеи).

Он идет во тьме, по улицам.

В Городе почему-то не горит ни один огонек,
так говорят,

в Городе не горит ни один огонек.

Все происходило именно в старом Городе, в старом
Городе, каким он был когда-то.

Возможно,

- как он думает –

возможно, он не понимает, возможно, ему не понятно,
возможно, здесь больше никого нет.

Все жители могли уехать – вот такая история –
все жители могли уехать, не оставив нового адреса,
больше никого нет,
все уехали, а он не знал, а ему никто не сказал.

Мне никогда ничего не говорят.

Они могли сбежать –

как он думает –

они могли сбежать без предупреждения.

Или, может, они просто спят, а он как

всегда все преувеличивает,
вполне возможно, они просто
тихо спят.

Он, Первый Мужчина, думает, что не вернется,
что эта история осталась в прошлом,
он придумывает фразы,
рассказывает себе самому,
что эта история осталась в прошлом.

Что он стареет – вот о чем я – что он тоже стареет,
в этот самый момент, во время прогулки по Городу
он особенно быстро стареет.

Второй Мужчина. – Второй Мужчина.
Пролог – это история именно Первого
Мужчины, его ухода, конца его иллюзий.

Женщина. – Я остаюсь в стороне, и в то же время рядом,
Она говорит, что ничего не значит,
что она не так важна.
Она стоит поодаль, там меньше света,
Ее плохо видно.

Первый Мужчина. – Первый Мужчина.
Я всегда так жил.
Я не знал, не мог представить, что однажды,
в эту ночь, например, все может потухнуть, закончиться.

Мы жили втроем.
«Сколько нам тогда было?»
Вот оно, краткое содержание этой истории.
Мы жили втроем.

Это было в старом Городе.
Раньше здесь не было ничего, лишь сельская местность без
дорог и домов.

Однажды, однажды ночью, в эту самую ночь все закончилось,
закончился целый этап моей жизни. Мне чуть больше двадцати,
двадцать два, двадцать три, не очень понятно, что именно
происходит.

Кто-то изменяет.

Первый Мужчина, я, (тот, кого я играю),
Первый Мужчина так говорит, ему так кажется.

Он пишет об этом, это в его стиле.

Он отправляет письмо, в котором пишет:

«Кто-то изменяет.»

Анонимные письма, любовные письма – это облегчение, я
редко пишу их.

Он покидает свою кровать, покидает свой дом, он идет к реке
(там, где мы его оставили),

он не знает, как ему быть дальше,
он несчастен и всецело осознает это.
Как же я порой потакал несчастью!
Как же я потакаю! Как же я порой потакаю несчастью!

Было так красиво, так утонченно кричать об этом в
потухшем всеми огнями Городе (повторяя: «потухшем всеми огнями Городе»)
было бы так красиво прокричать об этом в потухшем всеми огнями Городе
крайне литературно.
«История любви» — это литературная история.

Второй Мужчина. – Она смеется.

Женщина. – Читает:
она тихо смеется или даже плачет, украдкой, я
уже не помню.

Второй Мужчина. – Другой мужчина, второй,
ну, допустим, я,
Второй Мужчина, в то время, Второй Мужчина ничего
не делал.
Он был самым юным
(он самый юный)
он был самым юным, как мне кажется, и жил с ними.

Когда другой спускается к реке, он спит в
своей постели.
Я спал.
Именно так, в тот момент, когда все началось, я
ничего об этом не помню, я спал в своей постели.

Женщина. – Можно было обойтись телефонным звонком,
разбудить его и сказать ему,
решительно напомнить ему,
сказать ему о том, что ты существуешь.
Мне кажется, именно так и надо было поступить.

Конечно, так было бы куда менее эффектно, пожалуй,
что ж,
менее порядочно,
уже не столь «литературно», конечно.
Терпеть не могу, когда ты так разговариваешь!
Сказать ему по телефону
(смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!)
сказать ему по телефону, оставить реку в свете луны
и обшарить карманы в поисках денег.

Первый Мужчина. – В то время,
(добавим деталей к первой изложенной версии)
в то время, хотелось бы вспомнить об этом,
мы могли, это одно из незначительных отличий
между той эпохой и сегодняшней,

в то время, как мы помним,
в то время мы могли расплатиться за звонок из
телефонного автомата монетами.
Мы еще не были в абсолютном подчинении у
пластиковых карт.

Женщина. – Я продолжаю:
сказать ему по телефону, оставить реку в свете луны
и обшарить карманы в поисках денег, проще простого.

«История любви» — это могла бы быть всего лишь
телефонная история и ничего более.

Первый Мужчина. – Первый Мужчина.
Спуская к реке (там, где мы его оставили),
спускаясь к реке...

Стоит сказать, что это его работа.

Второй Мужчина. – Они решительно ничего не поймут.

Первый Мужчина. – Рассказывать истории, сочинять их,
вот чем он зарабатывает себе на жизнь (я поясню),
рассказывать истории – это его работа.

Спускаясь к реке.

Женщина. – Вместе:

Женщина, Второй Мужчина. – «Там, где мы его
оставили.»

Первый Мужчина. – Спускаясь к реке, мы
уже не понимаем
я уже не понимал, где нахожусь,
он даже думал утопиться в этой самой реке.
Спускаясь к реке, он еще молод –
и он любит этот привкус преувеличения –
он размышляет об этой истории, о том, какой красивой
станет эта история, о том, насколько красивой
могла бы стать эта история.
Она постепенно, в такт его шагам по пустынным улицам, складывается в его голове.

Второй Мужчина. – «В потухшем всеми огнями Городе».

Первый Мужчина. – В его голове...
Когда он подходит к реке, в момент, идеальный для того,
чтобы прыгнуть в нее, история готова, а значит, он
не умрет, он разворачивается и уходит писать.

«История любви» — это книга.

Женщина. – Она смеется.
Она громко и искренне смеется.
(По крайней мере, здесь так написано.)

Второй Мужчина. – Я, я ничего не знаю, вы
никогда ничего мне не говорите.
Я сплю.

Женщина смеется.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Второй Мужчина. – Мы направлялись к холму
(сейчас на этом месте простирается Город, новый Город).
Насколько я помню, мы прогуливались по этому холму,
мы прогуливались,
мы рассказывали друг другу истории,
смешили друг друга.

Ты смеялся меньше всех.

Первый Мужчина. – Возможно.
Я этого не помню.
Это вполне возможно.
Не помню, чтобы когда-то был хохмачом.
Я был, так сказать, рассудительным.

Женщина. – Он хочет – всегда одно и то же –
он рассказывает историю, меня это
так или иначе касается.
Знаешь, я больше ни о чем не спрашиваю себя.
(тебе)
по крайней мере, мне так кажется.
Я должна вслушиваться в отдельные слова, в целые фразы, в размышления,
ни о чем при этом не спрашивая.
Я не прошу его подтвердить мои догадки, мои
домыслы.
Мне кажется (я в этом уверена), мне кажется, что ему
это и не нужно.

Он просто хочет рассказать историю о двух
мужчинах,
о вас двоих,
и об одной женщине,
обо мне.
По крайней мере, мне так показалось.
Давайте сыграем в столь нелюбимую мною игру: сыграем в «раньше».
Так вот, раньше, раньше он уже рассказывал похожую историю, когда
мы его спрашивали.

Второй Мужчина. – Мы молоды, нам...

Женщина. – Он хочет
(я продолжаю),
он хочет рассказать, это его работа, как уже было сказано,
простую, наивную историю, наивную историю этих
двух мужчин и одной женщины, историю десяти
прошедших лет или тех десяти лет, которые подходят
к концу.

Первый Мужчина. – Самое время начинать.

Второй Мужчина. – Мы говорим, что поможем ему,
что мы поучаствуем в этой истории,
что мы тоже в какой-то мере поучаствуем в ее написании.

«История любви» – это и наша история тоже.

Женщина. – Именно так.
«История любви» – это и наша история тоже.

Первый Мужчина. – Самое время начинать,
начинать по-настоящему.

Первый Мужчина.
Потом они расстаются, они расходятся.
Первый Мужчина, после той ночи, когда он почувствовал себя преданным,
Первый Мужчина перестал жить с ними.
Он больше не смог.

Второй Мужчина. – Звуки проезжающего поезда (звуковое сопровождение).

Женщина. – Потом, в течение некоторого времени.

«История любви» – история расставания.

Потом, в течение некоторого времени, они расходятся,
все трое,
мы расходимся,
Второй Мужчина (он, вон тот) и Женщина остаются
вместе, но потом и они расстаются,
почти сразу.

Второй Мужчина. – Они говорят, каждый из них, они
говорят, ты говоришь, и ты тоже, они говорят, что будут писать мне,
что они будут рассказывать мне о своих жизнях.
Все это было перед Войной.

Первый Мужчина. – Первый Мужчина.
Прошло много времени.

Женщина. – Ей кажется, что все теперь будет по-другому,
ничто уже не будет прежним.
Она живет в другой стране, довольно далеко отсюда,
очень далеко, как мне кажется, не знаю (здесь так написано).
В этой самой другой стране я учусь петь.

Второй Мужчина. – Второй Мужчина, это немного
глупо, единственное, что я помню, Второй Мужчина
спит.
Он молод, я был молод, тогда он был молод,
до того, как разгорелась Война, он не работал, он спал.
Сегодня (еще одно уточнение), сегодня я стал совсем
другим. Это ни хорошо, ни плохо, просто я стал другим.

Первый Мужчина. – Первый Мужчина.

Я пишу, я начинаю писать,
когда я начал писать,
«Сколько мне тогда было?»

«История любви» – это первая написанная мною история,
первая написанная мною история любви, и так далее, и
тому подобное.

Второй Мужчина. – Снова звуки проезжающего поезда
(звуковое сопровождение).

Первый Мужчина. – Первый Мужчина.

Часть первая.

Это было незадолго до того, как разгорелась Война.
Я остался здесь один, Первый Мужчина остался здесь один, в
старом Городе, который сегодня разрушен, стоит в руинах,
у подножия холма.

Второй Мужчина. – Женщина что-то тихо напевает, ее
почти не слышно, она так далеко и так близко.

Женщина. – Я пела? Я не умею петь. Не помню, я что,
правда, пела?

Второй Мужчина. – Не знаю, здесь так написано, читаю:
«она пела...»
Я, правда, не знаю. Посмотрим.

Женщина. – Да все же и так ясно.

Второй Мужчина. – Посмотрим!

Итак, продолжим
«Звуки проезжающего поезда».

Первый Мужчина. – Первый Мужчина.

(Я продолжаю).

После той ночи я хотел умереть, после той ночи, когда
я хотел умереть, я спустился к реке.

Второй Мужчина. – Я решительно ничего такого не
помню.

О чем ты вообще говоришь?
Ты мне уже об этом рассказывал?

Женщина. – А потом, обернувшись ко мне со своей
очаровательной детской улыбкой:

«Я что, уже успел сморозить какую-то глупость?»

Первый Мужчина. – После той ночи, когда я захотел умереть,
(спуск к реке. Да?)

после той самой ночи я остался в этом городе.
Именно здесь мы жили втроем пока вы не испортили всё, пока вы не разрушили всё,
мы жили здесь втроем,
вместе, двое мужчин и одна женщина.

Я оставался здесь на протяжении всего расставания,
все это время я в одиночестве ждал вас.
Я писал книгу, книгу или песню, просто
песню.

«История любви» – это книга, эта книга или
эта песня,
всё то небольшое, что осталось от тех лет, тех недель или тех
месяцев, которые казались мне годами.

Второй Мужчина. – Женщина что-то тихо напевает, ее
почти не слышно.

Женщина. – Она слегка улыбнулась, и вот мы слышим
где-то вдалеке запись.

[На записи Женщина напевает что-то].

Первый Мужчина. – За это время я чуть
не умер. Я хотел умереть, мне тогда было двадцать пять
лет, если я не ошибаюсь,
я хотел умереть, я жил в этом старом Городе и я
хотел умереть.
Я говорил это и время от времени плакал.
Это было немного ребячески, инфантильно, я повторял себе:
«Это немного ребячески, инфантильно...»
Мне было около двадцати пяти, да, это было как раз
перед началом Войны, больше не плакать, я повторял себе,
в таком возрасте больше не плачут.

Второй Мужчина. – Печатная машинка, этот звук, звук
печатной машинки.

Женщина. – Я уехала очень далеко, в другую страну.
Там она не обзавелась друзьями, я там не обосновалась,
всё то время, пока длилось наше расставание, я была вынуждена жить в отеле,
в отелях, как мне кажется.
Я ждала того момента, когда смогу вернуться сюда,
в этот Город,
я ждала того момента, когда это, наконец, станет возможным.

Я вернусь, когда мне больше не будет больно
(именно это я говорю себе).

Там, в какой-то степени, там я тоже была одинока,
а вы что думали?

Она не говорит на языке этой страны и не прикладывает ни малейших усилий, чтобы выучить его. Я не прикладывала ни малейших усилий. Она не прикладывала ни малейших усилий, чтобы выучить его и говорить на нем.

Обо мне говорили, что я за Границей, так это называется, за Границей.

Я училась петь.

Второй Мужчина. – Она немного поет?

Первый Мужчина. – Я начал новую жизнь.

Так ведь говорят?

Я не уверен, это не совсем так, я начал новую жизнь.

Я живу один, в Городе, в старом Городе.

Это мое решение, я так решил, я решил, что отныне я буду жить один, столько, сколько потребуется, столько, сколько будет нужно.

Порой я задыхаюсь, мне нечем дышать.

Второй Мужчина. – Я здесь, я совсем рядом.

Перед тем, как разгорелась Война.

Я почти не разговариваю с тобой, а ты меня не слушаешь.

Женщина. – Почти шепотом:

Второй Мужчина. – «Это лишь одна из незначительных историй твоей жизни... Тебе двадцать пять и в этом нет ничего страшного...»

В этом нет ничего страшного.

Второй Мужчина. Ты не знал никого, кроме нас?

(Прямо так? «Кроме нас?»)

Никого, с кем ты мог бы иногда, когда все становится слишком сложно, когда темно, никого, с кем ты мог бы поговорить?

Первый Мужчина. – Это начало моей болезни.

Я начал заболеть.

Я здесь.

Я не хотел никому отвечать, даже если и делал это.

Такими, я так решил, такими были те недели, которые казались мне годами, были прожиты мной в окружении вас и никого больше.

Порой

– это начало моей болезни –

я говорил во сне.

Это было перед самой Войной, тогда,

(и всю болезнь я тоже называю Войной)
это было перед самой Войной, и во сне
я говорил нечто подобное:
«Слишком страшно любить кого-то, кроме вас...»

Второй Мужчина. – Звук телефона, звонки
телефона, долгие звонки телефона, но никто не берет
трубку, или так: звонки, долгие звонки,
звонки телефона и один из мужчин, ты,
я, один из двух мужчин снимает трубку, но вот появляется
новый звук – музыкальное сопровождение – вот появляется новый звук, звук
телефонных гудков, та пустота, которую слышишь
в трубке, когда, не дождавшись ответа, звонивший
решил передумать в последний момент, звуковая пустота
телефона, нелепая и безнадежная, как человеческое одиночество,
или так: когда один из двух мужчин снимает трубку, ты,
я, один из нас, дыхание того, кто молчит на другом
конце провода, такой близкий и такой далекий,
лишь его дыхание и вдруг гудки, сухие, жестокие,
отречение, просто проверка нашего существования,
отречение, и, конечно, – под все то же музыкальное сопровождение, –
и, конечно, есть и другие звуки, все прочие звуки,
какие-то голоса, срабатывающие автоответчики:
«Здорово, что вы позвонили, но нас нет дома».

Женщина. – В этой самой другой стране
(я продолжу?)
в этой самой другой стране, вы ее не знаете, она слишком
далеко, я никогда не слышала, чтобы вы упоминали ее, да
и вряд ли могли когда-либо жить там или же просто бывать
проездом,
в этой другой стране, напротив моего дома, один мужчина ежедневно
стоял и смотрел на меня.
Я не знала, кто он.
Я училась петь
(как мы уже знаем)
я училась петь, а он слушал меня, стоял там часами,
слушая мое пение.
(Вот, например, я распеваюсь у окна, а на другом конце двора
он слушает меня из своей комнаты.)
Он родился в этой стране, поэтому мы говорим на
разных языках.
Он смотрит на меня, я пою и чувствую, что он смотрит
на меня, на протяжении долгого времени между нами
было лишь это.

Первый Мужчина. – Первый Мужчина.
Я хотел написать об этом книгу, таков был
мой план.

Второй Мужчина. – Телефонный звонок.

Первый Мужчина. – Всё то время, которое я должен был теперь проводить один,
– ты даже не представляешь, как мне было страшно! –
всё то время, которое длилось расставание двух мужчин и одной женщины,
когда они расходились в разные стороны, я писал эту книгу.

«История любви» – это ее название.

«История любви» – это будет рассказ о том, какими были наши жизни,
какими я вижу их сегодня,
спустя время,
как я сегодня понимаю произошедшее,
рассказ о том, как мы жили раньше, тогда, как мы жили вместе, все трое.

Я сказал это в момент нашего расставания, я сказал это,
я хотел приступить к работе, а там посмотрим.
«Я приступаю к работе, а там посмотрим...»
А потом, когда нам уже будет не так больно, мы посмотрим, что из этого получится,
книга, песня или название, просто название, брошенное невзначай.
Потом «История любви» стала еще и письмом,
которое я хотел отправить вам, которое я хотел написать вам, но в итоге, из страха или трусости так никогда и не отправил.

«История любви» – это еще и письмо.

Второй Мужчина. – Мы уехали.
Где же мы тогда были?
На перроне, в очередной раз.
Она (ты), она, женщина, уезжает очень далеко.
Я, Второй Мужчина, я отъехал на пару километров, не более,
это всё тот же город,
более старый его район, у реки,
где мы, трое, жили (все) вместе.
Правда, тогда это была еще сельская местность без дорог.
Это было перед самым началом войны,
как раз перед тем, как ты заболел.

Поезд.

Первый Мужчина. – Первый Мужчина.
«Сколько мне тогда было лет?»
Я сказал это, а потом, кажется, добавил,
чтобы показаться умным, кажется, добавил, что пишу книгу,
что не стоило беспокоиться, что не стоило переживать за меня,

что это маленькое несчастье, это расставание (и всё остальное, моя болезнь),
что всё это было не так уж ужасно и станет отличным поводом для книги.

Женщина. – На перроне Женщина всё так же стоит
немного поодаль.
Она уезжает, её почти не видно.

Второй Мужчина. – Диапозитивы.
(Диапозитивы? Во время нашего разговора?)

Женщина. – А еще
иногда, мне кажется, именно так это и происходило,
она уже уезжала в тайне от всех, ночью, когда их жизнь,
их жизнь втроем,
ночью, когда их жизнь становилась далекой от идеала,
она уехала, когда между ними было всё кончено и болезнь
взяла свое.

Ее совсем не видно.
Оба мужчины жили своей жизнью, не беспокоясь о ней,
не видя ее, ничего о ней не зная.
Я уйду со сцены, вот так, из центра сцены, вот так, на
носочках, черт, на цыпочках.

«Мне кажется, именно так мы тогда и жили,
насколько я помню...»
Говорит она и уходит
(переводя дыхание и чеканя каждое слово)
«на цыпочках».

И здесь,
я должна спросить тебя, ведь только ты и знаешь,
и здесь я, возможно, смеюсь или это просто
беззвучные слезы.
Возможно.
Ты никогда ничего мне не рассказываешь.

Первый Мужчина. – Первый Мужчина.
Я не знаю.

Женщина. – Посмотрим.

Второй Мужчина. – Телефонный звонок.
Женщина:

Женщина. – Мы далеко друг от друга всё
время нашего расставания.
Мы не разговариваем друг с другом. Никогда.
Мы перезваниваемся.
Ты крайне редко писал мне, пока

не заболел.

Было трудно разобрать слова, у тебя был ужасный почерк, у тебя ужасный почерк уже давно, я хочу донести это до твоего сведения, а потом твои письма, длинные письма, напечатанные на машинке, отправленные из твоего мира в мой, оставляли горькое послевкусие.

Ты не говоришь мне правду, ты тоже.

Второй Мужчина. – Телефонный звонок.

Первый Мужчина. – Я думаю, что эту книгу мы прочтем вместе, позже, сегодня, когда все закончится, «срастется», когда нам будет уже не так больно, и позже, стоит только подождать, все это просто перестанет существовать. «Все это останется лишь далеким воспоминанием», как сказал кто-то, кто-то из нас троих.

Я тогда чуть было не расхохотался.

«История любви», вот, что я хотел бы добавить, - это будет веселая книга (я так думал), веселая книга, веселая пьеса.

И опять слезы.

Сколько мне тогда было?

Это было еще до Войны?

У меня на глаза навернулись слезы, когда вас уносил поезд, его и ее, вас, другого мужчину и Женщину, или лишь одного из них.

Женщина. – Вот так заканчивается, завершается первая часть.

И здесь я снова, я всегда делаю это, я спрашиваю:

«Я смеюсь или чуть заметно, едва, я даю волю своим чувствам в этой прекрасной сцене?»

Первый Мужчина. – Здесь она, несомненно, смеется. Смейся.

Второй Мужчина. – Шум Войны.
Поезд.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Второй Мужчина. – Свет.

Женщина. – В этой другой стране, которую вы не знаете, есть мужчина, который смотрит на меня. Он учит мой язык, понемногу начинает говорить со мной, пусть и плохо. Я совсем не понимаю его. Я смеюсь.

Он спрашивает, кто я.

Он немедленно просит пообещать ему больше никогда не уезжать, больше никогда не покидать его.

Я должна была поклясться, что останусь в этой чужой мне стране, где я была чужой.

Именно с этой страной и разгорелась Война.

Второй Мужчина. – Они не забыли друг друга.

Вы не забыли друг друга.

Они уже были далеки друг от друга, другой мужчина, Первый Мужчина, и она, Женщина, из одной страны в другую, из твоего мира в его, они не забыли друг друга.

Я.

Я, что я делал, когда мы жили каждый своей жизнью, когда мы расстались, что же я делал, я работал.

Я вкалывал.

Это единственное впечатление, единственное воспоминание, которое, как я ни старался, у меня осталось.

Так вот, что же касается меня, я работал.

«Ты стал мудрее...» - говорит она.

«Ты стал мудрее».

Женщина. – Письма перестали приходить.

Не знаю, почему, из-за Войны, или твоей болезни, или же просто потому, что Первый Мужчина больше не писал.

Все это время я оставалась там, с этим чужим мужчиной, рядом с ним.

Меня называли «Чужестранкой», а его «Спутником Чужестранки».

Это было как раз во время Войны.

Второй Мужчина. – Этот, он сам сказал, этот однажды сказал, что все из-за меня, он сказал, ты сказал, что это моя вина.

Когда мы расстались на неопределённый срок, мы вообще не были уверены, что увидимся снова, один из нас сказал, он сказал, что все из-за меня.

Женщина. – «Что все из-за меня».

Прямо так?
«Из-за меня».

Первый Мужчина. – В любом случае, все из-за него.

Второй Мужчина. – Кто-то, кто-то из нас так сказал.
Что, выходит, это из-за меня.

Я не знал.

Отвечаю я.

Я был невеждой.

«Сколько же мне тогда было?»

Я спал. Подумайте хоть немного и обо мне.

Я был так юн.

Когда ты спускаешься к речке, к реке, оказывается, он
хочет в нее броситься, об этом я тоже не подозревал.

Мы жили вместе, все трое.

Она – ты- она, Женщина, она никогда ничего мне не рассказывала.

Мне ничего не объясняли. Я спал, понимаете, спал, мне так
сказали. Я никогда не узнаю, смеялась ли ты или
же это были едва заметные слезы, скользившие по твоим
щекам...

Женщина. – Или ни то, ни другое.

Мы уже ничего не знали, потребовалось много времени,
чтобы забыть, может, и я спала
рядом с тобой, или,
а что еще оставалось?

Не было бы никого, кроме него, вот этого, никого, кроме него, спускающегося
глубокой ночью к реке, к речке,
«изъявляя желание броситься в нее».

Второй Мужчина. – Получается, что другой мужчина,
первый, страдал из-за меня.
Так говорят (так написано).

Первый Мужчина. – Получается так.
Так говорят.
Так написано.

Женщина. – Я смеюсь?

Ты никогда ничего мне не говоришь. Я смеюсь?

Чтобы разрядить обстановку?

Я смеюсь? Я громко смеюсь?

Второй Мужчина. – Я продолжу. Итак:

Что я делал во время нашего расставания, «все то время,
которое длилось наше расставание»,
что я делал, я работал.

История, вторая часть истории, ты рассказал мне об этом,
когда мы встретились снова, вторая часть истории –
основана на истории этой работы.

Женщина – «История любви» — это еще и работа.

Второй Мужчина. – Я решил найти работу.
Такой же, как и все другие, способ выживания. Я решил
стать архитектором, строить дома
и города,
создавать такие места, как это.
История Архитектора.
Он строит новый дом, он говорит – я это сказал – он говорит,
что начнет новую жизнь
в этом доме, когда закончится
Война
и все изменится.
Здесь все еще была деревня на один-два дома,
без дорог, и именно здесь он решил начать
строительство.

И в книге
- в этой самой книге под названием «История любви» -
все понемногу меняется, меняется сам тон
повествования.
В этом новом Городе – так написано –
он строит тот дом, где мы и находимся сегодня вечером.

Позже, когда она вернется,
- ты, Женщина –
когда она вернется, он закроет ее именно здесь, именно здесь
будет держать ее взаперти,
но об этом потом.

Женщина. – Женщина, делая легкий и нежный жест
рукой:
«Да, чуть позже».

Второй Мужчина. – Она станет певицей, и в этом доме,
который он построил для нее
во время Войны, она должна будет петь.
Он тоже – я тоже – я тоже болен, начиная с
этого самого момента.

История одного Архитектора.
А потом, постепенно, «История любви» становится
сказкой.

Когда Первый Мужчина рассказал мне о книге
во время нашей встречи,
он сказал, что произошедшее трудно описать.
Это история Архитектора, построившего этот дом
во время Войны, чтобы заточить в нем певицу
или память о ней.
Он говорит, он пишет, что Архитектор поступил так,

чтобы побороть свой страх.
Болезнь Архитектора, моя болезнь – это страх.
Он говорит, он пишет, что тот поступил так, чтобы
притвориться, что он не одинок.

Первый Мужчина. – Шум пролетающего над нашими головами
самолета.

Женщина. – Она поет там, внутри.

Первый Мужчина. – Первый Мужчина.
Все то время, которое длилось наше расставание, все те месяцы или
недели, тянувшиеся для меня подобно годам, я каждую ночь
лежал один в своей кровати
или сидел на ней, мучимый бессонницей.
Я писал.
«Сколько мне тогда было?»
Я проговаривал эту историю вслух, пока писал ее, историю
этого сумасшедшего Архитектора, сошедшего с ума из-за одной
бросившей его певицы, которую он продолжает ждать в своем безумии.

В начале второй части мужчина, Первый
Мужчина, я, уже не так важен, его почти не видно,
освещение совсем слабое,
или же,
не знаю,
он умер от своей болезни,
или он уже пишет новую книгу.

Женщина. – Когда я вернулась, они ждали меня.
Они оба. Они рассказали мне о книге, которую написал один из них.
Я прочла о себе в книге. Я прочла о том, каким
персонажем я стала, одним из персонажей.
И я совсем не понимала, почему все так
изменилось.
Иногда мне казалось, что книга, ее повествование оказалось
куда точнее того, что мы пережили в реальности.

Второй Мужчина. – В конце этой части есть эпизод,
в котором они говорят Женщине, что отныне это история
Архитектора и Певицы, и
она, Женщина, ты,
едва вернувшись, она тихо плачет.
Она говорит:
«Я никогда не смогу петь или буду петь так скверно, что
надо мной будут смеяться»

Женщина. – Я совсем не умею петь или пою так скверно, что
надо мной смеются.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Женщина. – Мы снова встретились.
Я рассталась с тем иностранцем, бросила его, ушла от него или он умер.
Война закончилась.

Когда поезд прибывает на вокзал, в старый Город, первое, что я слышу, ведь я так давно уехала отсюда и не думала, что когда-либо вернусь.
Меня спрашивают, ведь теперь я иностранка, ведь теперь я выгляжу как иностранка, знаю ли я, где остановлюсь, мне говорят, что Мир изменился и стоит как можно быстрее приспособиться к этому.

Еще мне говорят, что старого Города больше нет.
Мне говорят, что уцелело только здание вокзала и, конечно, стены, стены и дома еще стоят, но в них больше никто не живет, в них больше никто не будет жить.
Остался лишь один мужчина – это они о тебе – остался лишь один мужчина, он сошел с ума, заболел, не знаю, который не хочет уезжать.

С этого момента действие происходит в
Послевоенное время.

Здесь, на холме, теперь новый город, вся жизнь теперь там, именно туда я и направляюсь.
Мне подробно объясняют, как туда добраться, рисуют карту на грязном стекле.

Первый Мужчина. – Я больше не выхожу из дома.
Говорят, что я больше не хочу выходить из дома, что я болен.
Я сижу взаперти дни и ночи напролет...
Так я влачу свое существование в ожидании смерти. Я больше не могу, я больше не хочу жить.
Я больше тебя не слушаю
(Второму Мужчине)
я больше не слушаю то, что ты говоришь мне через дверь.
Я ничего не понимаю в этой истории, в том, что ты рассказываешь о прошлом.
Я не помню или не хочу помнить, не имею на то ни малейшего желания.

Второй Мужчина. – Кто-то, один из нас, кто-то говорит, спрашивает, как же быстро пролетели все эти годы.
А я и не заметил.

«Ты становишься мудрее...»
Вот что она скажет, она, Женщина, когда мы
снова встретимся.

Первый Мужчина. – Я больше не могу продолжать. На этом все.
В этой книге я написал то, о чем раньше молчал.
Вот и все.

Женщина. - «Ты становишься мудрее...»
Она также говорит, чтобы подбодрить его, ведь
она боится разволновать его с того самого момента, когда они вновь встретились,
она говорит ему
«Ты совсем не изменился».

Он, Второй Мужчина, ты, тот, кто теперь стал
архитектором, он, ты, ты улыбаешься.
Он отвечает, что если это правда, что если это не чтобы
полюстить ему, он отвечает, что это очень хорошо.

Второй Мужчина. – Она и я,
Женщина и Второй Мужчина,
мы снова живем вместе,
в новом Городе,
о Войне теперь почти не вспоминают, она ушла
в прошлое.
Мы больше никогда не обсуждаем то, какой была
наша жизнь до того, как мы расстались,
когда мы, трое, жили вместе
в старом Городе, у реки.

Мы больше не говорили о другом мужчине
- о тебе –
о том, который пишет или уже умер, что, по сути, одно и то же,
и по которому мы оба скучаем.
Мы ждем, что однажды снова сможем говорить
о нем, что нам будет уже не так страшно.

Женщина. – Так мы и живем все следующие годы, они
живут в двух разных городах,
мы вдвоем, вместе, Архитектор и Певица,
и тот, что пишет, каждый у себя.
«Сколько им сейчас?»

Я пою.

Весь остаток жизни она, Женщина, больше никогда не
говорит об этом, она живет в доме, построенном Архитектором
для нее,
чтобы заточить ее там.
Когда ей порой говорят
или когда она сама читает об этом, когда она отдает себе в этом отчет,
когда я отдаю себе в этом отчет, когда ей говорят о

той роли и том персонаже, которые она играет,
она молчит и лишь слегка улыбается,
как она всегда делала,
еле заметно.

Второй Мужчина. – И вот сейчас, как и всегда,
сейчас, как и раньше,
ты ничего не сказала,
ничего не написано
и она ничего не знает.

Женщина. – Я не знаю.

ЭПИЛОГ

Второй Мужчина. – А что, эпилога не будет? Ты меня удивляешь.

Первый Мужчина. – Теперь это ваша забота, теперь это ваше дело.

Женщина. – Эпилог.

А потом дела стали идти все быстрее,
все суматошнее,
мы жили совсем не так, как хотели когда-то, совсем
не так, как нам было предписано.

Однажды, так и не закончив книгу,
- а может, он и не написал ни строчки, а
просто был рад, что рассказал нам эту историю,
он умер,
ушел и утонул одновременно.
Или же он просто оставил ее написание,
ему перестало быть это интересно,
и он занялся другой историей.
Он говорит, шутит напоследок, озвучивает
свое последнее желание, он говорит,
что он хотел сказать, написать совсем не это.

«История любви» изначально была совсем другой историей.

Второй Мужчина. – Конец?
Отвечай.